

Надзор Европейского Суда по правам человека в делах, касающихся ситуации на Северном Кавказе

**Документ, подготовленный для заседания Комитета по правовым вопросам и
правам человека в Париже 11 сентября 2009 г.**

Проф. Филипп Лич*

Введение

1. Прошло более десяти лет с тех пор, как Российская Федерация приняла на себя обязательства в рамках Европейской Конвенции по правам человека, однако первые решения Европейского Суда по правам человека, относящиеся ко второму конфликту в Чечне (который начался в 1999 г.) были оглашены только в 2005 г. Все увеличивающийся корпус дел, связанных с ситуацией на Северном Кавказе (в настоящее время число решений по ним перевалило за сотню), имеет большое значение, поскольку эти дела позволяют заявителям и их семьям в какой-то степени добиться справедливости. Под их воздействием на этот регион и его власти то и дело направляется внимание международного сообщества, а кроме того, они способствуют повышению подотчетности.
2. В этой краткой статье рассматривается вклад Европейского Суда в международный надзор за ситуацией в регионе, анализируется практика Суда и делаются выводы относительно значения его решений¹.

Конфликт в Чечне: контекст и применимые нормативно-правовые рамки

3. Второй вооруженный конфликт в Чечне начался в сентябре 1999 г. Широко признан тот факт, что во время этого конфликта грубые нарушения прав человека допускались как федеральными силами, так и чеченскими боевиками. В делах, направленных в Европейский Суд, отражаются различные аспекты данного конфликта, в том числе бомбардировки и обстрелы, производимые федеральными войсками (в первую очередь в 1999-2000 годах), широко распространенная тактика проведения широкомасштабных «зачисток», в ходе которых было взято под стражу или убито большое количество гражданских лиц, предположительно в ходе поиска боевиков, и более точечные операции, во время которых людей похищали из их домов.
4. Суд в целом признает право России принимать меры по урегулированию конфликта, соглашаясь с тем, что «ситуация, имевшая место в Чечне во время рассматриваемых событий, требовала исключительных мер со стороны государства, чтобы восстановить контроль над республикой и подавить незаконную вооруженную повстанческую деятельность». Россия рассматривает конфликт как «антитеррористическую операцию». В Чечне не был введен

* Директор Европейского центра защиты прав человека (EHRAC) при Лондонском университете Метрополитан

режим чрезвычайного или военного положения, и не было заявлено об отступлении от выполнения требований ст. 15 Европейской Конвенции о правах человека. В результате Европейский Суд считает, что он должен выносить решения относительно военных операций (в том числе воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов) «в соответствии с обычной правовой ситуацией».

5. В ситуации вооруженного конфликта, каковая имеет место в Чечне, международное право в области прав человека и международное гуманитарное право применяются параллельно. С точки зрения международного гуманитарного права данный конфликт можно охарактеризовать как немеждународный вооруженный конфликт. Судя по всему, Европейский Суд не желает углубляться в вопрос о взаимодополнительности права в области прав человека и международного гуманитарного права, и поэтому старательно избегает любых явных отсылок к положениям и принципам гуманитарного права в чеченских делах, несмотря на то, что заявители конкретным образом ссылаются на эти положения и принципы. Однако Суд затрагивает *концепции* гуманитарного права, в том числе необходимость осуществлять военные операции таким образом, который сводил бы к минимуму факты случайной гибели мирных жителей, а также запрет на неразборчивое применение вооружений.

Обзор решений, связанных с конфликтом в Чечне

6. Анализ решений Суда, вынесенных с февраля 2005 г. по июль 2008 г. показал следующее:
- Всего было вынесено 37 решений, большинство из которых связаны с событиями 2000 г. Несколько дел свидетельствуют о массовых убийствах мирного населения в Старопромысловском районе г. Грозного в январе 2000 г. и в Новых Алдах в феврале 2000 г., а также о насильственных исчезновениях людей из села Новые Атаги в июне 2002 г.
 - Почти две трети заявителей составляют женщины. В большинстве дел, поскольку жалобы связаны со случаями убийств или исчезновений, заявительницы обратились с жалобой от имени своих родственников, 80% из которых были мужчинами.
 - Некоторые из заявителей проживали за пределами России после обращения с просьбой о предоставлении убежища.
 - В 35 делах заявителей представляли неправительственные организации: либо Правовая инициатива по России, либо партнерская программа между ПЦ «Мемориал» (в России) и Европейским центром защиты прав человека (EHRAC) (в Лондоне).

- В каждом из этих 37 дел было установлено нарушение по крайней мере двух положений Европейской Конвенции. В 34 из 37 дел затрагивались вопросы, связанные с правом на жизнь (ст. 2): из них 30 дел было связано с исчезновениями и/или внесудебными казнями; два дела, в которых имело место вооруженное нападение (воздушная и/или артиллерийская бомбардировка); и два дела, связанные с выстрелами в заявителей из огнестрельного оружия, которые оказались не смертельными. Во всех 34 делах было признано нарушение права на жизнь и во всех делах, кроме одного, Суд признал, что российские власти несут прямую ответственность за сам факт смерти (или предполагаемой смерти), а также за нарушение ст. 2 на основании непроведения адекватного расследования по данным фактам.
- В более чем двух третях дел, связанных с исчезновениями, жертвы были похищены из своих домов (в остальных делах они пропали без вести, предположительно, после задержания на блокпостах или в других местах). В пяти из дел тела жертв были впоследствии обнаружены, однако в 19 из них никаких тел так и не нашли. Как правило, правительство не отрицает факт похищения жертв, однако утверждает, что ответственность за похищение несут неустановленные вооруженные лица, и установить факт ответственности какого-либо должностного лица не удалось - как не удалось и с достоверностью установить факт гибели жертвы (в тех случаях, когда тело не было найдено).
- Ст. 3 Европейской Конвенции, устанавливающая запрет на применение пыток и бесчеловечного и унижающего обращения, была признана нарушенной в 26 из 37 дел, в двух из которых было признано, что уровень жестокости обращения позволяет приравнять его к пытке.
- Суд признал нарушение ст. 5 Европейской Конвенции, устанавливающей право на свободу и неприкосновенность личности, в 24 делах, отметив, что факты задержаний не регистрировались соответствующими органами и даже не признавались как имевшие место. Суд также повторил свой принцип, согласно которому непризнанное содержание под стражей является «полным отрицанием» гарантий ст. 5 и представляет собой «весьма серьезное нарушение». В подавляющем большинстве дел речь идет о двух конкретных местах содержания под стражей - это военная база федеральных войск в Ханкале и неофициальный «следственный изолятор» в Чернокозово.
- Нарушение права на эффективное средство защиты, гарантированного в ст. 13 Европейской Конвенции, было установлено в 35 делах. Национальное средство защиты, которое признается отвечающим критериям ст. 13 применительно к контексту права на жизнь, должно предоставлять заявителям возможность «тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению и наказанию

виновных». Нарушения ст. 13 следуют из неопровержимых выводов относительно полной неадекватности проводимого национальными органами следствия по уголовным делам, которое в результате отрицательно повлияло на эффективность любых гражданско-правовых средств защиты.

- В 15 решениях Судом было признано, что Российская Федерация не оказывала Суду содействие при исследовании им дела и тем самым нарушила ст. 38(1)(а) Европейской Конвенции, поскольку не раскрыла или раскрыла в недостаточной степени материалы дел, ведущихся государственными органами.
- Также отмечается серьезная проблема запутывания заявителей по чеченским делам.² После убийства Зуры Битиевой (дело которой находилось на рассмотрении в Суде) и еще трех членов ее семьи в мае 2003 г. Суд применил процедуру «предварительных мер», установленную в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, и потребовал, чтобы российское правительство приняло все меры к тому, чтобы обеспечить беспрепятственную возможность эффективной реализации права на индивидуальную жалобу второй заявительницы (дочери Зуры Битиевой).

Установление фактов и доказательства по чеченским делам: проблема отказа от раскрытия материалов дел

7. Повторяющейся из дела в дело и особенно огорчительной особенностью чеченских дел является отказ правительства предоставлять Суду копии материалов национальных уголовных дел, несмотря на неоднократно направляемые Судом запросы. Можно утверждать, что в 28 из 37 дел имел место высокий уровень нераскрытия (а еще в пяти делах была отмечена определенная степень нераскрытия). Например, в деле *Байсаевой (Baysayeva)* правительство ссылалось на свидетельские показания, данные 65 военнослужащими, ни одно из которых не было раскрыто. Суд также отметил, что в деле *Битиевой (Bitiyeva)* не были раскрыты различные важные документы: свидетельские показания, заключения судебно-медицинской и баллистической экспертиз, информация об осмотре места преступления, запросы о предоставлении информации и ответы, относящиеся к предполагаемому участию органов безопасности или вооруженных сил в данных убийствах.
8. Основной сутью доводов правительства в попытках оправдать отсутствие раскрытия или лишь избирательное раскрытие было то, что в документах содержались сведения, составляющие государственную или военную тайну, информация о местонахождении военных или специальных подразделений, информация об офицерах, принимавших участие в антитеррористических операциях и другая информация о свидетелях. Эти заявления не были конкретизированы или как-либо обоснованы.
9. В большинстве данных дел (25 из 37) правительство пыталось оправдать свой отказ от раскрытия материалов, ссылаясь на требования национального

законодательства, а именно ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса. Правительство утверждало, что данное положение запрещает раскрытие информации, содержащейся в материалах предварительного следствия: согласно п. 3 ст. 161, «данные предварительного расследования могут быть переданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства».

10. Возможно, наиболее примечательным является то, что в ряде дел правительство даже предложило делегации Суда ознакомиться с материалами дела в России по месту проведения следствия. Однако эти предложения не распространялись на документы, в которых содержались военные сведения или личные данные о свидетелях, и делегации не было бы разрешено их копировать или предоставлять информацию другим лицам.
11. Суд занял ясную позицию, отклонив попытки правительства сослаться на ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса, которая, как он совершенно правильно указал, в действительности не препятствует раскрытию материалов незавершенного следствия по уголовному делу, а лишь устанавливает процедуру такого раскрытия и ее пределы. В действительности, ст. 161 явно предоставляет следственным органам дискреционные полномочия в вопросе о раскрытии материалов дел. Суд также высказал критику правительства за отказ уточнить характер документов, которые предположительно не подлежали разглашению, или объяснить причины отказа раскрыть их содержание. Кроме того, Суд подчеркнул очевидную непоследовательность позиции, занятой государством, т. к. в некоторых из чеченских дел правительством был раскрыт значительный объем документов без какой-либо опоры на Уголовно-процессуальный кодекс. Суд также неоднократно отмечал, что российские власти не делают попыток сослаться на Правило 33 (2) Регламента Суда для того, чтобы ограничить доступ к какому-либо документу полностью или частично.
12. Суд реагирует на эту ситуацию двояким образом, предпочитая либо рассмотреть, можно ли сделать какие-либо косвенные выводы из отказа раскрыть документы, либо оценить, нарушило ли тем самым правительство положения самой Конвенции. Таким образом, в результате отказа раскрыть материалы дела, Суд установил отдельное нарушение Конвенции в 15 делах на том основании, что российское правительство не соблюдало своих обязательств, установленных в ст. 38(1) Европейской Конвенции, а именно «создавать все необходимые условия» с целью обеспечить эффективное проведение Судом исследования обстоятельств. В наиболее серьезных делах Суд одновременно делает выводы на основании самого факта нераскрытия и признает нарушение ст. 38(1)(а). Однако отсутствуют какие-либо признаки готовности Суда пересмотреть и повысить суммы компенсаций за ущерб в свете нераскрытия, как этого требовали некоторые из комментаторов³.

13. Насколько значительной на данный момент является проблема нераскрытия? Суд очень ясно подчеркнул ее важность в своем решении по делу *Базоркиной (Bazorkina)*:

«В деле, где жалоба поднимает вопросы тяжких незаконных действий со стороны агентов государства, материалы следствия по уголовному делу имеют фундаментальное значение для установления фактов, а их отсутствие может воспрепятствовать надлежащему исследованию жалобы Судом, как на стадии приемлемости, так и на стадии рассмотрения ее по существу».

14. Соответственно, следует признать, что во многих делах отказ раскрыть материалы стал чрезвычайно серьезным препятствием для Суда при осуществлении им задачи установления того, что именно произошло. В деле *Исаевой, Юсуповой и Базаровой (Isayeva, Yusupova and Bazayeva)*, которое касалось бомбардировки с воздуха колонны гражданских автомобилей, которые пытались уехать из Грозного в октябре 1999 г., Суд установил:

«С самого начала необходимо указать, что способность Суда провести оценку правомерности нападения, а также того, каким образом планировалась и осуществлялась операция, была серьезно подорвана недостатком имеющейся у него информации. Суду не был представлен ни план операции, ни информация о том, как она планировалась, какая оценка возможных угроз и ограничений была проведена или какие виды вооружения или тактика были в распоряжении летчиков в отношении возможности нападения с земли, о которой говорит правительство. В особенности следует отметить отсутствие упоминаний об оценке и предотвращении возможного ущерба для мирного населения, которое могло находиться на дороге или в другом месте неподалеку от объектов, которые военные могли рассматривать в качестве законных целей».

15. В свете серьезных проблем с нераскрытием материалов может показаться примечательным то, что в 33 из 34 дел, в которых поднимался вопрос о нарушении ст. 2, Суд смог установить как процессуальные, так и материальные нарушения права на жизнь: власти не только не провели адекватного расследования по данным фактам, но кроме того, имелось достаточно доказательств, позволяющих установить, что агенты государства сами несли ответственность за данные случаи гибели людей (или, в ряде случаев, – их предположительной гибели).
16. Тем не менее, нередко в делах, связанных с исчезновением людей, наиболее значимые вопросы остаются без разрешения: иногда нам даже не известно, погибла ли жертва (ее гибель лишь предполагается); нам не известно, каким образом они погибли, когда и где; не известно нам и то, какие государственные органы, и уж тем более какие именно их сотрудники несут за это ответственность. Таким образом, этот корпус чеченских дел в очередной раз привлекает внимание к неадекватности системы возмещения, которая основана на индивидуальных случаях, при попытках противостоять широкомасштабным, систематическим (или даже системным) нарушениям прав человека подобной тяжести⁴.

17. Значительное отличие в подходе Суда к рассмотрению курдских/турецких и чеченских дел состоит в том, что в первых миссии по установлению фактов проводились относительно часто, тогда как на сегодняшний день по чеченским делам не было проведено ни одного расследования по установлению фактов.
18. Выводы Суда о нарушении ст. 38 (1)(а) не должны рассматриваться лишь как дополнительное, «техническое» нарушение Конвенции: его следует интерпретировать как показатель систематической политики отказа государства сотрудничать с Судом.

Систематическое нерасследование дел

19. Суд подвергает жесткой критике ту халатность, с которой следственные органы в Чечне реагируют на совершенно правдоподобные утверждения о внесудебных казнях, похищениях, исчезновениях и жестоком обращении. В большом числе дел Суд установил, что не были проведены даже самые основные следственные действия, а следствие по множеству дел «страдает от необъяснимых проволочек». В некоторых делах следственные действия были в конце концов проведены только после того, как жалоба была коммуницирована Европейским Судом российскому правительству.
20. Во множестве случаев были установлены фундаментальные огрехи следствия, в том числе:
 - не проведен или проведен со значительной задержкой опрос заявителей;
 - не установлены и не опрошены свидетели, или же установлены и опрошены с задержкой, а также не заданы некоторые важные вопросы;
 - не установлены другие жертвы и свидетелей нападения, в том числе и те из них, кто был идентифицирован и назван заявителями;
 - не возбуждено уголовное дело или не указывается, какие конкретно следственные действия были проведены после обнаружения тела;
 - не проведено должным образом вскрытие или судебно-медицинская экспертизы, или эти процедуры осуществлены с задержкой;
 - не проведена или проведена с задержкой баллистическая экспертиза;
 - не составлена карта или план местности;
 - допущена задержка при составлении перечня вещественных доказательств.
21. Примечательной и постоянной особенностью расследования по данным делам является неспособность или нежелание следователей или прокуроров

- привлекать к ответственности государственные органы, в особенности вооруженные силы и органы безопасности. Имели место задержки при направлении запросов о предоставлении сведений в государственные органы, а также направление запросов, в которых содержалась заведомо неправильная информация. Суд также неоднократно устанавливал, что следственными органами не были установлены и допрошены конкретные должностные лица.
22. Следователи не выказывают ни малейшего стремления установить, проводились ли в определенном месте специальные операции в рассматриваемую дату, или установить, какие именно военные подразделения принимали участие в конкретном инциденте. Также Суд подвергает следственные органы критике за неспособность добыть ключевые операционные документы.
23. Органы военной прокуратуры, которые в России несут ответственность за расследование преступлений, совершенных военнослужащими, также подверглись отдельной критике.
24. Другой отличительной особенностью следствия по чеченским делам является то, что родственники жертв не вовлекаются в работу следствия в достаточной степени. Так, заявители долго - с задержкой от шести месяцев до четырех с половиной лет - не получают статуса потерпевших или не признаются потерпевшими вообще. Во множестве случаев родственников не информировали о важных изменениях и развитии в следствии.
25. Помимо всех этих серьезных огрехов и упущений в связи с индивидуальными делами, еще большее беспокойство вызывает общая критика Суда, направленная на тревожный стереотип сознательного поведения властей. Без сомнения, обычными бюрократическими проволочками или инерцией невозможно объяснить постоянное приостановление и возобновление многочисленных следствий, длительные периоды бездействия органов прокуратуры, когда разбирательство не велось, или передачу дела из одной прокуратуры в другую без какой-либо видимой причины. В нескольких случаях Суд счел нужным критически высказаться по поводу непроведения взаимосвязанных расследований по связанным между собой случаям, а также неспособности объяснить, почему связанные между собой факты расследовались по отдельности. В ряде случаев Суд сам предположил, что бездействие следственных органов (особенно в течение первых нескольких дней) в ответ на обоснованные жалобы родственников жертв позволяет установить «сильную презумпцию по крайней мере готовности мириться с ситуацией», а также подверг сомнению объективность следствия.
26. Этот комплекс решений по делам из Чечни, тем самым, возможно уже помог установить, что в них прослеживается систематический подход, указывающий на явное отсутствие воли осуществлять своевременное и тщательное расследование нарушений прав человека, совершенных представителями государственных органов.

Решения, вынесенные по ст. 3

27. Суд применяет принцип, согласно которому близкие родственники людей, пропавших без вести, сами могут быть жертвами бесчеловечного обращения (в нарушение ст. 3 Европейской Конвенции), в связи с расстройством и беспокойством, которое они перенесли (а часто и продолжают страдать от него) в результате исчезновения. По этим причинам в 20 из 37 первых дел, связанных с конфликтом в Чечне, было установлено нарушение ст. 3.
28. Так, нарушение ст. 3 было установлено в деле *Мусаев и другие* (*Musayev and others*), первый заявитель по которому стал свидетелем внесудебной казни некоторых своих родственников и соседей, а потом и сам подвергся угрозам под дулом автомата.
29. В ряде дел заявители, которые были взяты под стражу органами власти, не смогли в достаточной степени обосновать свои заявления о жестоком обращении, чтобы полностью удовлетворить Суд. Однако содержащиеся под стражей заявители успешно доказали, что их жалобы на жестокое обращение не были надлежащим образом расследованы властями, что привело к нарушению процессуального аспекта ст. 3.
30. Порог, позволяющий квалифицировать обращение как «пытку» (определяемую как намеренное бесчеловечное обращение, причиняющего весьма серьезное и жестокое страдание) был достигнут в деле *Мусаева и другие* (*Musayeva and others*) (многочисленные телесные повреждения и колотые раны на теле) и *Чумаев и Чумаев* (*Chitayev & Chitayev*) (электрошок, побои, удушение, использование собак и плоскогубцев; подобное обращение было применено к заявителям намеренно с целью добиться дачи заявителями признательных показаний).

Возмещение ущерба и исполнение решений

31. В денежном исчислении в 37 решениях российскому правительству было предписано выплатить компенсацию материального ущерба в размере 383 343 евро, и нематериального ущерба – в размере 2 188 000 евро (всего 2 571 34 евро). Как правило, присужденная компенсация нематериального ущерба составляет от 34 тыс. до 50 тыс. евро.
32. Помимо вопроса о компенсации ущерба, в ряде дел, связанных с нераскрытыми фактами исчезновения, заявители также требовали в порядке «справедливой компенсации» в соответствии со ст. 41 Европейской Конвенции, распоряжения о том, чтобы власти провели тщательное расследование. Подобные аргументы основываются на том, что, хотя деклараторное возмещение, возможно, является нормой, во все большем числе ситуаций (например, в случаях незаконного содержания под стражей⁵) Суд выходит за его границы и предписывает, чтобы государство-ответчик приняло другие конкретные меры⁶. Таким образом, утверждается, что в тех случаях, когда Суд признает некое лицо жертвой насильственного исчезновения по вине представителей государственных органов, только распоряжение Суда о том, что правительство-ответчик обязано обеспечить проведение

эффективного расследования, будет достаточным для «справедливой компенсации». В поддержку этого аргумента выступил Антонио Кассезе на сессии ПАСЕ в июне этого года. Он утверждал, что в тех случаях, когда Суд устанавливает нарушения ст. 2, 3 или 4 Конвенции, необходимо «в недвусмысленных выражениях потребовать, чтобы государство инициировало уголовное разбирательство с целью наказания лиц, виновных в незаконном отнятии человеческой жизни, в применении пыток или рабстве»⁷.

33. Однако на сегодняшний день подобные доводы пока не возобладали, а Суд придерживается позиции, согласно которой эффективность расследования была подорвана с самого начала, и «поэтому весьма сомнительно, что ситуация, имевшая место до нарушения, может быть восстановлена», что звучит весьма неубедительно. Разумеется, расследование нераскрытого дела об исчезновении может по-настоящему «восстановить» ранее существовавшую ситуацию только в том случае, если жертва будет найдена живой и освобождена. Однако в случаях, когда жертва подразумевается мертвой в течение нескольких лет после своего исчезновения, самым близким к «восстановлению» исходом будет установление того, что на самом деле произошло, кто в этом виновен, и в опознании и возвращении тела жертвы родственникам. Таким образом, можно утверждать, что распоряжение о проведении расследования является единственной мерой, которая способна хотя бы приблизиться к предоставлению «возмещения» за нарушение (поскольку она способна привести к установлению и наказанию лиц, ответственных за преступление, и к обнаружению местонахождения жертвы). Это также согласовывалось бы с широким международно-правовым консенсусом в отношении исчезновений, в рамках которого признается дилеммный характер насильственного исчезновения, проистекающий, в частности, из отрицания или отказа государства раскрыть, что произошло с жертвой⁸.
34. Если Суд пока не склонен требовать от российских властей расследования нераскрытых исчезновений, может ли Комитет министров повлиять на государство, используя свою роль по надзору за исполнением решений? Как уже ранее отмечалось⁹, процедура контроля за исполнением чеченских решений весьма затянута, непрозрачна и в конечном счете неэффективна. Подход российских властей к вопросу об исполнении чеченских решений иначе, чем как намеренное запутывание, охарактеризовать невозможно. Правды ради необходимо отметить, что в ответ на самые первые решения Суда по чеченским делам внутригосударственное расследование по уголовным делам было возобновлено. Однако, согласно информации, предоставленной российским правительством для заседания комитета министров в марте 2008 г.¹⁰, ни одно из расследований по девяти рассмотренным делам (которые касались исчезновений и внесудебных казней), не привело к привлечению виновных к ответственности. Два из них были закрыты, пять – отложены, а в отношении еще двух дел не было представлено никакой информации. Комитет министров продолжает оказывать на правительство давление с целью получения дальнейшей конкретной информации о нормативно-правовых рамках и мерах, направленных на обеспечение подотчетности сил безопасности за нарушения, допущенные в Чечне¹¹.

¹ В основу этого документа положен текст следующей статьи: P. Leach, *The Chechen Conflict: Analysing the Oversight of the European Court of Human Rights* [2008] *European Human Rights Law Review* 732-761.

² См. доклад Комитета по правовым вопросам и правам человека Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Обязанность государств-участников оказывать содействие Европейскому Суду по правам человека» (*Member states' duty to co-operate with the European Court of Human Rights*, Doc. 11183) от 9 февраля 2007 г., п. 35.

³ O. Solvang, *Russia and the European Court of Human Rights: The Price of Non-Cooperation*, Human Rights Brief, Vol. 15, Issue 2 (Winter 2008).

⁴ См. A. Reidy, F. Hampson and K. Boyle, *Gross Violations of Human Rights: Invoking the European Convention on Human Rights in the Case of Turkey* (1997) 15 NQHR 161.

⁵ См. *Ассанидзе против Грузии* (*Assanidze v Georgia*), № 71403/01, 8.4.04 и *Илашкы и другие против Молдовы и России* (*Plașci and Others v Moldova and Russia*), № 48787/99, 8.7.04.

⁶ Что касается других примеров, см. *Брумэреску против Румынии* (*Brumărescu v Romania*), № 28342/95, 23.1.01 (возвращение ранее национализированного имущества); *L. против Литвы* (*L. v Lithuania*), № 27527/03, 11.9.07 (принятие законодательства, разрешающего проведение хирургических операций с целью смены пола) и *Хасан и Эйлем Зенгин против Турции* (*Hasan & Eylem Zengin v Turkey*), № 1448/04, 9.10.07 (приведение законодательства, относящегося к религиозному образованию, в соответствие с Конвенцией). См. также: L Loucaides, *Reparations for violations of human rights under the European Convention and restitution in integrum* [2008] EHRLR 182-192.

⁷ A. Cassese, *How To Ensure That The Authors Of Gross And Large-Scale Violations Of Human Rights Are Brought To Book*, Session of the Parliamentary Assembly, 22-26 June 2009, available at: http://www.coe.int/t/dc/files/pa_session/June_2009/20090624_disc_Cassese_en.asp

⁸ См., например, дело *Кинтерос против Уругвая* (*Quinteros v Uruguay*), Comm. № 107/1981, 21 июля 1983 г.; ст. 17.1 Декларации 1992 г.; Общих комментарий Рабочей группы ООН по насильственным или недобровольным исчезновениям (UNWGEID General Comment, E/CN4/2001/68, Annex III) от 18 декабря 2000 г.; дело *Веласкес Родригес против Гондураса* (*Velasquez Rodriguez v Honduras*), решение от 29 июля 1988 г., п. 140; *Блейк против Гватемалы* (*Blake v Guatemala*), решение от 24 января 1998 г.; ст. 8 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений.

⁹ См. P. Leach, *Strasbourg's oversight of Russia – an increasingly strained relationship*, Public Law, Winter 2007, 640-654.

¹⁰ Информация была предоставлена в устном виде и кратко изложена в документе: CM/Del/OJ/DH(2008)1020 Section 4.3 PUBLIC 8, April 2008.

¹¹ *Actions of the security forces in the Chechen Republic of the Russian Federation: general measures to comply with the judgments of the European Court of Human Rights*, CM/Inf/DH(2008)33, 11 сентября 2008 г. (рассекречен 18 сентября 2008 г.). См. также: *Implementation of judgments of the European Court of Human Rights – Introductory memorandum* (Rapporteur: Mr Christos Pourgourides), Committee on Legal Affairs and Human Rights, PACE, AS/Jur (2008)24, 26 мая 2008 г. (рассекречен 2 июня 2008 г.).

Перевод Татьяны Томаевой